

СООБЩЕНИЯ

Вопросы истории. 1949, № 6

Заозерская Елизавета Ивановна

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

В феодальный период мелкая промышленность являлась господствующей и до появления мануфактуры — единственной формой промышленности. На базе мелкой промышленности возникла крупная мануфактурная, а позднее — фабричная промышленность. Эти обстоятельства указывают на важность изучения мелкой промышленности. Между тем её история в целом, равно как и история отдельных видов этой промышленности — крестьянских промыслов и городского ремесла, — представляет почти незаполненный пробел в экономической истории России.

Недавно вышедший труд проф. Б. Рыбакова¹ значительно заполняет этот пробел в отношении древнерусского ремесла (кончая XV в.), но ремесло XVI—XVIII вв. и крестьянская промышленность, начиная с её первичной формы домашней промышленности, остаются чрезвычайно скупо освещёнными в исторической литературе².

Для капиталистической эпохи анализ различных форм мелких, преимущественно крестьянских, промыслов исчерпывающе дан в классическом труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Этот анализ может служить образцом и руководством при изучении данного явления в предшествующий, феодальный период. В. И. Ленин определяет три стадии в развитии мелких промыслов: 1) домашняя промышленность, составляющая «необходимую принадлежность натурального хозяйства», когда промысел «неразрывно связан с земледелием в одно целое»; 2) ремесло, или производство изделий по заказу потребителя, являющееся «первой формой промышленности, отрывающейся от патриархального земледелия», но когда «продукт труда ремесленника не появляется на рынке», т. е. ещё не составляет товара;

3) мелкое товарное производство города и деревни, когда мелкий производитель работает на сбыт, на продажу³.

В своём историческом развитии мелкое производство последовательно проходило эти стадии развития, но в более поздний период феодализма и даже в период капитализма налицо имелись все три формы. Они существовали рядом, а иногда соединялись. Так, крестьянин-«кустарь» работает для семьи, но «долю продукта» выделяет на продажу; городской ремесленник соединяет работу на заказчика с работой на рынок. Конечно, отличить сельского ремесленника от мелкого товаропроизводителя или от наёмного рабочего не всегда легко⁴, — пишет В. И. Ленин относительно данных XIX века.

Тем более затруднительно подобное разграничение для более ранних периодов, чрезвычайно слабо освещённых соответствующими материалами. Возможно, что отчасти поэтому термины «ремесло» и «ремесленник» в исторической литературе употребляются в расширительном смысле, обозначая и производство на сбыт⁵. Подобное толкование сохраняется и в данной статье.

Основными вопросами, изучаемыми в настоящей статье, являются: 1) процесс рас-

³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, гл. V, § 1 и 2, 4-е изд.

⁴ Там же, стр. 287.

⁵ Когда К. Маркс и в «Капитале» говорит о «цеховом ремесле», «цеховом мастере», «цеховом строге», уступившим место мануфактуре, он, несомненно, имеет в виду ремесло более позднего времени, работавшее не только непосредственно на заказчика, но и на сбыт, каким оно было в Западной Европе XIV—XVI веков. В подобном же смысле, можно думать, употребляются соответствующие выражения в «Кратком курсе истории ВКП(б)», когда говорится о переходе от ремесла к мануфактурному, а затем машинному производству: «развитие самостоятельного ремесленного и потом мануфактурного производства; переход от ремесленных орудий производства к машине и превращение ремесленно-мануфактурного производства в машинную промышленность». «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 118.

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2014](http://liberta.ru)

Рекомендуем материалы
раздела библиотеки
«Историки и историография»
<http://istmat.info/node/31025>

пространения и дальнейшего отделения от сельского хозяйства городского и деревенского мелкого производства; 2) организация и характер последнего как в отношении размеров, так и всё большей товаризации его. Однако статья не претендует на исчерпывающий анализ этих вопросов даже за период одной четверти века. Она написана на основании вновь привлекаемых, но ограниченных архивных материалов⁶ и ставит ряд вопросов, решение которых требует дальнейших изысканий.

Уже в XVII в. намечались районы распространения наиболее важных в хозяйственной жизни производств: железоделательного (Устюжна, Белоозеро, Устюг, Ярославль, Тула с их уездами), текстильного (Ярославль, Владимир, Суздаль, Казань), мыловаренного (Кострома, Ярославль, Борисоглебск). Обрабатывающие мелкие промыслы концентрировались в центральных уездах с их городами, среди которых особое место занимала Москва как давний торгово-промышленный центр страны. Таким центром Москва оставалась и в петровское время, несмотря на утрату политического значения столицы. О её значении как центра мелкого производства говорят итоги регистрации московских ремесленников 1720-х годов.

В 1722 г. правительство предприняло попытку организовать в России ремесленные цехи. С этой целью ремесленники обязывались явиться в городской магистрат и объявить о своём «мастерстве», на основании чего их записывали в тот или иной цех. В первую очередь эта регистрация имела место в столицах — Москве и Петербурге. В Москве с 1722 по 1726 г. записалось 6885 человек. Эта цифра приблизительно исчерпывает наличное количество ремесленников, так как записи были обязательными для всех, во всяком случае для тех, кто работал на заказ или на продажу⁷. Чрезвычайно внушительное по тому времени количество мелких производителей говорит, с одной стороны, о промышленном характере данного города, а с другой — о роли мелкого производства в Москве, ставшей к этому времени первым центром мануфактурной промышленности.

О значении ремесла в удовлетворении разнообразных потребностей населения свидетельствует также необычайно широкий охват производств московскими ремеслен-

никами. По данным той же регистрации было намечено организовать 153 цеха, соответствовавших объявленным «мастерствам», главным образом из области обрабатывающих промыслов. Сюда вошли всякого рода металлургия: золотаря и серебряники, медники и оружейники, оловянные и волочильщики, паяльщики и кузнецы; текстильщики — суконники и каразейники, пестрядники и крашенники, салфеточные и полотняные, ленточные и шёлковые мастера; специалисты по выделке кож и разнообразных кожевенных изделий, мастера по дереву, гончары и печники; портные, шляпники, чулочники и т. д.⁸ Этими специальностями всесторонне охватывались разнообразные потребности многочисленного населения столицы.

К сожалению, отсутствуют данные о численности и производственном составе ремесленного населения таких старых, крупных городов, как Ярославль, Кострома, Вологда, однако несомненно, что и в первой четверти XVIII в. они сохраняли промышленное значение, как и весь центральный район в целом. Об этом можно судить по состоянию ремесла в городах меньшего значения.

Так, в Калуге в 1719—1720 гг. числилось 156 ремесленников разных специальностей: серебряники, котельники и кузнецы, кожевники и сапожники, портные и шапошники, крашенники и мыльщики, а больше всего гончары и кирпичники: кувшинники, горшечники, черепичники и печники. Видимо, эти производства являлись специфическими местными⁹. В Переяславле Рязанском, в котором, по переписи 1678 г., числилось всего 165 дворов, в 1720 г. имелось 70 «ремесленных людей» разных специальностей. По численности первое место занимали кузнецы (около 40 человек)¹⁰, и это не случайно: в уезде имелись рудные залегающие, и здесь при Петре возникли железные заводы. Аналогичное заключение можно сделать о зарайских ремесленниках. В этом небольшом и по тем временам городе насчитывалось 102 ремесленника, 65% которых приходилось на долю кузнецов¹¹. Зарайск входил в рудноносный район Серпухова — Калуги — Тулы. С другой стороны, значительное количество ремесленников обоих небольших городов обслуживало, очевидно, нужды населения не только города, но и ближайшего района.

Данные взятых нами трёх городов центрального района указывают, во-первых, на развитие здесь ремесла, а во-вторых, на ло-

¹ Рыбаков Б. «Ремесло древней Руси». М. 1948.

² Следует отметить, что Институт истории АН СССР подготовил многотомное издание «История Москвы», в котором имеются соответствующие разделы; завершены также работы К. Сербинной «Очерки из социально-экономической истории русского города», И. В. Мешалина по изучению крестьянских текстильной промышленности XVIII—XIX вв. и А. Л. Шапиро по изучению крестьянских промыслов первой четверти XVIII века.

⁶ Основным использованным материалом являются ведомости «о ремесленных людях», присланные с мест в 1719—1720 гг. по запросу только что организованной Берг-и Мануфактур-коллегии, но сохранившиеся далеко не во всех городах. Ремесло Москвы и Петербурга характеризуется на основании данных цеховых ведомостей, а также сказок о торгах и промыслах, подававшихся тяглами московских слобод в 1704 г. (характеристике последнего источника см. в моей статье «Сказки торговых людей Московского государства 1704 года». «Исторические записки» № 17).

⁷ Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Комиссии о коммерции, оп. 1, д. 89, лл. 23—26 об.

⁸ Из пешихиков, являвшихся полуремесленниками-полуторговцами, в ведомости включены только калачники, хлебники и маританты, под которыми подразумевались специалисты по изготовлению разной пищи, в общем около 600 человек — число, не включавшее всех пешихиков столицы, по количеству занимавших первое место в XVII веке.

⁹ Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 291—300.

¹⁰ Там же, лл. 304—40.

¹¹ Там же, лл. 304—308.

кализацию отдельных производств даже внутри данного района в зависимости от местных условий.

Москва и Московская губерния того времени служили основным источником для заселения ремесленниками новой строящейся столицы. Начиная с 1711 г. отсюда в Петербург в течение ряда лет ежегодно переводились большими партиями разнообразные специалисты. Весной этого года из Москвы было отправлено 200 металлстов, преимущественно оружейников, 100 каменщиков, 20 гончаров, 10 портных, 10 сапожников, 15 кожевников. Общее же число переведенцев-ремесленников из городов Московской губернии в 1711 г. достигло 1417 человек¹². По данным цеховой ведомости, в Петербурге оказалось 305 московских ремесленников¹³, 364 ремесленника из Ярославля, что указывает на промышленное значение последнего. Третье и четвертое места (по количеству) среди цеховых ремесленников Петербурга занимали галичане (217) и костромичи (181), затем шли десятки ремесленников из других городов, преимущественно того же центрального промышленного района.

Вторым после Москвы крупным центром ремесла в 1720-х годах был Петербург. В значительной степени благодаря усилиям правительства за два десятилетия он наполнился всякими ремесленными людям. Число записавшихся в цехи в Петербурге — без учёта тех, кто работал на казенных предприятиях, — достигало 2¼ тыс. человек¹⁴. Всё же число цеховых ремесленников в Петербурге было в 3 раза меньше, чем в Москве. Да иначе и не могло быть при сопоставлении старейшего торгово-промышленного центра страны с новым, только что возникшим городом.

Ремесло, однако, было широко распространено и вне столичных городов, включая далёкие окраины. Рассмотрим сначала несколько городов к югу от Москвы, постепенно отдаляясь от неё к «украинным» местам.

Основными специалистами в Курске были сапожники: из 100 ремесленников их было 38, портных зарегистрировалось всего 13, кузнецов — 10, серебряников — 5¹⁵. В небольших южных городах-острогах, сохранявших больше военное, чем торгово-промышленное значение, ремесленники-специалисты насчитывались десятками или единицами: в Белёве — 32, в Пронске — 10, в Карпове — 11, в Вольном — 6, в Михайлове — 9, в Белгороде, важном военно-административном пункте с более значительным посадом, — 83 человека, преимущественно портные (30) и сапожники (26), обслужи-

вавшие нужды городского населения и, возможно, гарнизона¹⁶.

Однако значительно большее распространение и развитие ремесла наблюдается на север от Москвы, где города с давних пор приобрели торгово-промышленный характер. По данным 1720 г., в Хлынове (Вятка), имевшем большой посад, насчитывалось 165 ремесленников; в Слободском — 113, в Соликамске — 95, в Кунгуре — 137¹⁷.

Ремесло здесь было разнообразно, оно охватывало всесторонние потребности человека, начиная с духовных. В этих городах имелись иконописцы и даже живописцы; серебряники (в Вятке их 20) делали кресты и оклады к иконам, а также украшения — серьги и перстни; медники лили «из ветошной меди» колокола, котлы обычные и специальные для винокурения, подсвечники, солоницы, перечницы и другую «мелкую рухлядь»; кузнецы ковали топоры, косы, серпы, ральники, гвозди, подковывали лошадей; кожевники делали «овчины и козляны травую красные, жёлтые и чёрные», а также «говяжьи и козевые дублённые твёрдые и мягкотные» кожи; чоботники шили сапоги, башмаки, чирки и «всякую разную обувь» и рукавицы; скорняки «подделывали белку, заячину, куницы, лисцы, бобры и всякую мягкую рухлядь»; портные шили «всякое ношеное русское платье»; плотники рубили хоромы и делали «всякую внутреннюю избушку поделку»¹⁸.

Ремесло и здесь, в Приуралье, с одной стороны, всё больше сосредоточивалось в городах, всё явственнее отделяясь от сельского хозяйства, а с другой стороны, оно и здесь всё больше специализировалось. Медники, например, различали «медного котельного», «медного мелочного», «медного колокольного» мастерства; специалисты по обработке кожи — это сапожники, чоботники и чиршники, кожевники и сыромятники. Оба процесса — дальнейшее отделение ремесла от сельского хозяйства и его специализация — прослеживаются даже на материале далёких сибирских городов. В Верхотурье и ближайших к нему слободах насчитывалось 196 ремесленников разных специальностей, из них в самом городе было 110 человек. Тут были живописцы, серебряники, сусальники, но больше всего кузнецы, из 196 их было 82, или свыше 40%¹⁹, — явление, совершенно естественное для района, изобиловавшего железной рудой, где возникли первые крупные заводы.

Не случайно и то, что подобного преобладания железоделательных промыслов не наблюдается в другом крупном торгово-промышленном центре Западной Сибири — Тюмени, — хотя общее количество мелких производителей (280) в нём было больше,

чем в Верхотурье. Перепись зарегистрировала здесь 19 специальностей. В Тюмени скорее преобладали специалисты по обработке животноводческого сырья — кожевники, сапожники (49) и мыловары (14)²⁰, — что вполне понятно, так как Тюмень была расположена в степной полосе и широкое распространение здесь имело животноводство.

По той же причине кожевное и мыловаренное дело занимало видное место в промышленности Тобольска. Здесь было зарегистрировано в 1720 г. около 60 кожевен и 17 мыловарен. Но ещё большее значение в Тобольске приобрела железоделательная промышленность, так как в Тобольском уезде имелись свои богатые рудные залега. Кузнечное дело было сосредоточено в подгородних деревнях, где насчитывалось 55 кузнецов, и в более отдалённых слободах; в 14 перечисленных в ведомости слободах насчитывалось 175 кузнецов. Тобольск в то же время являлся крупнейшим центром мелкого производства других видов. По ведомости 1720 г., здесь было 136 каменщиков (очевидно, здесь осуществлялось соответствующее строительство), 87 сапожников и башмачников, 55 портных, 30 плотников, 15 серебряников и т. д. Во всяком случае, в столице Сибири насчитывались сотни ремесленников, надо думать, работавших, так же как московские специалисты, на более широкий рынок, чем на свой город²¹.

Крупнейшими центрами ремесла были Енисейск и Томск. По ведомости 1720 г., в первом насчитывалось 117 ремесленников 20 специальностей, вплоть до иконоников, лампадочников, часовников, гребенщиков, переплётчиков²². Томск же стоял по количеству ремесленников в одном ряду с Тобольском: в нём было зарегистрировано 380 ремесленников 44 специальностей; одних серебряников насчитывалось 25, лосняников — 30, лодосников — 20²³. Однако ни в Енисейске, ни в Томске, несмотря на боль-

шую распространённость ремесла и его специализацию, не намечается преобладающего промысла; всё это были ремесленники, обслуживавшие потребности населения и самого города и примыкавшего к нему района.

Распространённость ремесла в сибирских городах — знаменательный факт. Он свидетельствует о том, что процесс переселения «мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселённых и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины»²⁴, о котором В. И. Ленин говорит как показательным для роста мелких промыслов, в рассматриваемую эпоху уже имел место.

Но в то же время намечалась другая сторона того же явления. Рост мелких промыслов, пишет В. И. Ленин, проявляется также «в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении»²⁵. С этой точки зрения особенно интересно развитие крестьянских промыслов, о чём имеются некоторые данные, относящиеся к петровскому времени.

По сведениям того же 1720 г., в Томском уезде насчитывалось 130 ремесленников 21 специальности. Из них преобладающими, совершенно естественно, являлись деревообделочники: кадошники и ведёрники, бочары, «токари посудной работы» и «санники» — всего 47 человек. Однако в тех же деревнях имелись специалисты — кузнецы, портные, гребенщики, мыльщики, седельники и даже один серебряник²⁶. По Тюмени на 140 городских ремесленников приходилось столько же уездных или деревенских. Среди них имелись кожевники и мыльщики с их «заводами», а главное, кадошники, ситники, решётники, т. е. специалисты, обслуживавшие нужды, типичные для крестьянского хозяйства²⁷. В отдельных слободах Верхотурского и Тобольского уездов специалисты-ремесленники насчитывались единицами, а в некоторых — десятками.

Название слободы ²⁸	Кузнецы	Кожевники	Мыльщики	Серебряники	Медники	Плотники	Каменщики	Овчинники	Седельники	Портные
Терсацкая	7	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Мясенская	9	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Колчеданский острог	6	3	—	—	3	—	—	—	—	—
Катайский острог	15	17	—	—	—	—	—	—	—	—
Каменских железных заводов	4	4	3	1	—	—	—	—	—	—
Арамильская	25	3	1	2	—	—	—	—	—	—
Окуновский острог	53	—	1	3	—	—	—	—	—	—
Тагильская	2	3	—	1	—	2	—	—	—	—
Невянская	10	2	—	—	—	—	3	2	1	1

²⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 634, лл. 927—937; 955—966.

²¹ Сведения о Тобольске — ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 634, лл. 803, 840—875, 991—1038.

²² Там же, лл. 1056—1063.

²³ Там же, лл. 1045—1056.

²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 292.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 634, лл. 1045—1056.

²⁷ Там же, лл. 927—937, 955—966.

²⁸ Там же, лл. 994—1038, 980 и об.

¹² ЦГАДА. Дела Сената, кн. 3-я, лл. 365—367.

¹³ В цехи не записывались казённые мастера, в число которых попадала большая часть переведенцев-ремесленников.

¹⁴ По 15 ноября 1722 г. записалось 1858 человек. ЦГАДА. Дела Сената, кн. 907, лл. 412—415; в 1723 г. цеховых насчитывалось 2525 человек. Там же, л. 423.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 152—156.

¹⁶ Там же, листы в порядке городов: 156—157, 311—312, 163 обл. — 164, 310, 161—163.

¹⁷ Там же, кн. 634, листы в порядке городов: 93—94, 106—108, 123—125; Соликамск — кн. 634, лл. 922—923.

¹⁸ Данные для характеристики ремесла взяты из тех же ведомостей.

¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 634, лл. 976—989.

Совершенно естественно преобладание кузнецов в слободах, расположенных поблизости к железным заводам и большей частью приписанных к ним, понятно также и наибольшее разнообразие ремесла в Невьянской слободе, большом рабочем посёлке того времени.

Но подобное выделение ремесла в сельских местностях не являлось особенностью сибирских, в частности заводских, мест. В ведомости по Кайгородку названо 9 уездных ремесленников: 4 плотника, 2 кузнеца и 3 портных; в Хлыновском уезде отмечено 10 ремесленников, которые в пригородах, в станах и в волостях делают «мелкую кузнь — кресты, серьи и перстни и другие мелочи»²⁹. В знаменитой своим оружейным производством Туле было 42 кузнеца, имевших «железцовые кузницы и ручные домы», однако такие же специалисты существовали и в уезде³⁰. Значительная часть населения села Павлова Перевоза, Нижегородской губернии, специализировалась ещё в XVII в. на кузнечном и оружейном деле. Производство стало их основным занятием, в значительной степени оторвавшим их не только от своего крестьянского хозяйства, но и от родных мест. В 1707 г. при поисках оружейных мастеров для казённых нужд было установлено, что в селе осталось всего 19 мастеров, другие разбрелись в поисках заработка: 14 человек кормились «рукодельем своим» в Москве, 15 человек — в других местах, но главным образом — на Украине, 14 человек — неизвестно где³¹. Село Лысково, той же губернии, славилось мастерами по дереву — резчиками и столярниками; село Кимры, Тверской губернии, — сапожниками; село Холуй, Владимирской губернии, — иконописцами.

Всё это те деревенские «специалисты-ремесленники», которые, по данным В. И. Ленина, во второй половине XIX в. составляли «приблизительно... один процент крестьянского населения»³². В первой четверти XVIII в. их было немного, но они прежде всего занимались ремеслом: «иногда исключительно, иногда в связи с земледелием»³³, и производственная характеристика ремесленника для них являлась основной. Крестьянская же домашняя промышленность, составлявшая подсобное занятие к земледелию, была широко распространена. Начиная с XVII в., пишет Корсаков, «все почти главные отрасли тогдашней немногочисленной промышленности рассеялись по сёлам и деревням»³⁴. Но при Петре (а также и позднее) они не учитывались даже в фискальных целях, как не имели характера самостоятельного производства. Однако к этому времени крестьянская промышленность в значительной степени приобрела характер мелкого товарного производства, особенно в металлургии и текстиле.

На юг и юго-восток от Москвы крестьянская железодельная промышленность существовала в Тульском и Алексинском уездах, Елецкой и Шаховской провинциях; на северо-запад — в Новгородском уезде, в районе Устюжны и в Олонском крае; на север — в Галицкой провинции; на северо-восток — в Приуралье, на Урале и в Сибири. О степени распространения этих промыслов может свидетельствовать пример Галицкой провинции, менее известной в этом отношении, чем Устюжна или Урал.

В 1724 г. в Галицкую провинцию специально для описи крестьянских промыслов были посланы братья Василий и Иван Рылевы. По описи В. Рылева, у крестьян разных помещиков оказалось 430 горнов и ручных домков «ради сплавки руды и кования кричного железа»; по описи И. Рылева, — 77 горнов³⁵.

Ещё шире крестьянская железодельная промышленность была развита на Урале и в Приуралье. По данным Б. Б. Кафенгауза, на первых порах строительства казённых заводов, на грани XVII—XVIII вв., правительство опиралось на знания и опыт местных кузнецов и рудоплашников. Они были привлечены в количестве 66 человек к обследованию места для задуманных больших заводов, участвовали в самом строительстве, а затем оставались «для дела железа» на обоих заводах — Невьянском и Каменском³⁶. Примером распространения ткацких крестьянских промыслов могут служить подмосковные сёла Измайлово и Тайнинское. Среди крестьян Измайловской волости было много специалистов: то по выработке полотна, в частности парусного; недаром измайловские крестьяне целыми группами нанимались для работы в качестве ткачей и шпунтовиков на Топальскую парусную мануфактуру Рагузинского³⁷. В селе Тайнинском и смежных деревнях, вплоть до Александровской слободы, было широко распространено производство позументов; оброчные крестьяне этих мест составляли значительную часть квалифицированных рабочих московской позументной фабрики Корчагина³⁸.

Из более далёких мест распространением ткачества известны некоторые сёла Ярославского, Костромского, Суздальского уездов. Именно с таким сёлам принадлежало село Кохма с прилегающими к нему деревням. Это село по просьбе компанейщиков было приписано к московской полотняной мануфактуре ввиду того, что «к тому мануфактурному строению оная во-

лость весьма быть угодна, понеже той волости крестьяне с жёнами и с детьми к тому строению мастерством и пряжею весьма заобыкновенны»³⁹. Изделия крестьян в первой четверти XVIII в. были постоянным товаром, поступавшим в разных количествах в таможи.

Записная книга Пошехонской таможи 1725 г. свидетельствует об активном участии крестьян в местных торгах и промыслах. Они сами предъявляли в таможи изделия «своей работы»; скупленные в деревнях изделия предъявляли скупщики из крестьян и посадских людей. Скупая сырьё или полуфабрикат, скупщик иногда раздавал его в обработку или в дополнительную отделку местным крестьянам, что свидетельствует о развитии данных промыслов среди местного населения⁴⁰.

О таком же развитии и локализации крестьянских промыслов, только в более крупных масштабах, говорит содержание Записной книги мелочных товаров Московской большой таможи 1694 года. За 4 месяца этого года из общего числа зарегистрированных продавцов (919) 326, или 35,6%, приходилось на долю крестьян. В большинстве случаев это были скупщики, привозившие в столицу большие партии товара, но самая скупка производилась в определённых пунктах. Так, из села Вятского, Костромского уезда, систематически доставлялись ножи; из ряда сёл и деревень Арзамасского, Суздальского, Белозерского уездов — деревянная посуда; из сёл Костромского, Ярославского, Суздальского, Ростовского уездов — холст и одежда; из Романовского уезда — сермяжное сукно⁴¹.

Всё это свидетельствует, с одной стороны, о развитии определённых промыслов среди крестьян того или другого района, а с другой — о том, что известная часть продукции этих промыслов являлась товаром.

Однако эти промыслы ещё не отрывали крестьянина от его основного занятия, являясь лишь добавлением к нему. При перечислении ремесленников Кайгородского уезда оговаривается, что это «пашенные тяглые крестьяне» и платят подати «вместе» с крестьянами⁴². Относительно крестьян-кузнецов Александровского уезда в ведомости добавляется: «А работают-де они на тех заводах временем зимнее порою, а в летнее рабочее пору не работают»⁴³.

Эти данные о крестьянских промыслах первой четверти XVIII в. являются конкретной иллюстрацией к следующему общему положению В. И. Ленина, основанному на более поздних материалах: «Важно от-

метить поэтому, что уже самое мелкое товарное производство в крестьянских промыслах начинает отделять промышленность от земледелия, хотя промышленник от земледельца на этой стадии развития в большинстве случаев ещё не отделяется»⁴⁴.

Итак, явления, происходившие в деревне петровского времени, говорят о процессе отделения внутри её промышленности от земледелия, о дальнейшем углублении общественного разделения труда и росте на этой базе товарного хозяйства. «Всякий шаг в развитии товарного хозяйства неизбежно приводит к тому, что крестьянство выделяет из себя всё новых и новых промышленников»⁴⁵, — пишет В. И. Ленин. Выделение промышленников в это время происходило и в более ясной, законченной форме отхода на заработки из своей деревни в другие местности. Такой отход при рутинности и раздробленности крестьянского ремесла В. И. Ленин считает «единственным элементом развития, присущим этой форме промышленности»⁴⁶. В рассматриваемую эпоху этот элемент был налицо.

При записи в сехи в Петербурге коренных жителей было зарегистрировано всего 17, все остальные были пришельцами, что совершенно естественно для нового, только что возникшего города. Из числа приехавших больше половины (55%) оказались ремесленниками из крестьян — помещичьих (470), дворовых и монастырских (368); 20% — из посадских людей разных городов, и 6,6% — из вновь завоеванных, близких к Петербургу мест⁴⁷. От этой картины немногим отличается социальный состав московских ремесленников. В старом торговом промышленном центре страны с многолюдным посадом только 22% ремесленников называли себя природными москвичами (11,0% из посадских и 9,6% из разночинцев), а 80% — иногородними. Выходы из крестьян и здесь заняли первое место — 3189 человек, или 46,3% общего числа записавшихся в сехи (6885); иногородние посадские люди и разночинцы составляли почти одинаковое количество с москвичами (21,7%); иностранцев среди ремесленников Москвы было значительно меньше (5,1%), чем в Петербурге (13,0%)⁴⁸.

При анализе этих данных необходимо делать скидку на неясность показаний самих опрошенных лиц. Обычно указывалось социальное положение отца, хотя бы сам опрошиваемый с детства вышел из данного состояния, а иногда и отец фактически уже не принадлежал к нему⁴⁹. Такие лица могли

²⁹ ЦГАДА. Ф. Берг-коллегии, № 257/110, 1727 г., л. 32 об.

³⁰ Исследованием крестьянской торговли и крестьянских подрядов в петровское время занимается А. Л. Шапиро. Автор использовал материалы этого исследования.

³¹ Сакович С. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII века. «Исторические записки» № 20.

³² ЦГАДА. Ф. Берг-коллегии, кн. 614, л. 109.

³³ Там же, кн. 608, л. 347.

³⁴ ЦГАДА. Ф. Берг-коллегии, кн. 610, л. 124—143.

³⁵ Кафенгауз Б. Строительство первых уральских заводов. «Вопросы истории» № 5—6 за 1945 г., стр. 48—49.

³⁶ ЦГАДА. Ф. Юстиц-коллегии. Жилые книги. № 1200, лл. 1041—1042; № 1199, лл. 124 об. — 127.

³⁷ ЦГАДА. Ф. Мануфактур-конторы, св. 116. Кн. 1-я, лл. 9—13, 22—29.

²⁹ ЦГАДА. Ф. Берг-коллегии, кн. 614, л. 97.

³⁰ Там же, кн. 610, лл. 101—112.

³¹ ЦГАДА. Дела Ингерманландской канцелярии, д. 103, л. 21.

³² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 287.

³³ Там же, стр. 286.

³⁴ Корсаков А. «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства», стр. 119. М. 1861.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 289.

⁴⁵ Там же, стр. 291.

⁴⁶ Там же, стр. 287—288.

⁴⁷ ЦГАДА. Дела Главного магистрата, св. 5, д. 18. (Подсчёт произведён мною.)

⁴⁸ Цифры и проценты выведены на основании ведомости 1722—1726 гг. — ЦГАДА. Ф. Комиссии о коммерции. Кн. I, д. 89, лл. 23—26 об.

⁴⁹ Данное соображение высказывается на основании просмотра аналогичного материала — сказок мануфактурных рабочих 1735 годов.

десяти лет жить в Москве и за это время фактически, а иногда и юридически стать её «жителями» в качестве тягловцев той или другой слободы. Понятие «новоприбылого» тягльца являлось относительным, а таких тягловцев при первой ревизии оказалось в Москве 36,6%⁵⁰. Но и при этой оговорке высокий процент пришло элемента, в частности крестьянства, в среде московских ремесленников несомненен: в столицу со всех сторон шли те, кто рассчитывал найти здесь более благоприятные условия «для прокормления».

Отсутствие данных о социальном составе ремесленников других центральных городов не позволяет расширить вывод, только что сделанный для Москвы. Что касается процесса формирования ремесленного населения южных городов, то здесь он проходил главным образом за счёт мелкого служилого лю-

да — непрямого элемента любого города, сохранявшего в течение всего XVII в. военное значение. В Мишенке ремесленники из сдельщиков и затинщиков (30 человек) преобладали над ремесленниками из посадских людей (24). В Белгороде последние насчитывались всего в количестве 7 человек, в то время как ремесленников из городского службы было 49 человек. К ним же принадлежали почти все ремесленники мелких военных городов — Вольного, Пронска, Карпова⁵¹. И это понятно: закинутый сюда мелкий служилый люд всегда кормился побочными «промыслами», идти же «своею волею» в поисках работы в эти маленкие окраинные города с незначительным населением вряд ли было заманчиво.

Ремесленное население сибирских городов пополнялось больше всего за счёт так называемых казаков.

Социальный состав ремесленников⁵²

	Из посадских людей	Из мелких служилых людей и казаков	Из гулящих	Из крестьян	Из боярыдей	Из ямщиков
Тара	5	98	7	—	—	—
Тюмень	22	110	—	4	1	1
Верхотурье	32	15	—	20	—	31
Тобольск	47	115	12	—	—	—
Томск	39	267	4	18	—	—
Енисейск	67	34	—	—	—	—

Но казаки сибирских городов — это пришлый элемент, почти равнозначный гулящим людям центральных и южных городов империи. В общем же и те и другие — гулящие люди и казаки — это выходцы чаще всего из крестьянской среды, бежавшие от царившего в деревне гнёта, искавшие на стороне более свободного и лёгкого существования и пропитания. Как и в феодальной Европе, город являлся для них убежищем, и попавший сюда недавно крепостной человек ощущал его воздух более вольным. В то же время самая возможность уйти в город, найти здесь заработок показывает на развитие городов и торгово-промышленной деятельности в связи с ростом товарно-денежного хозяйства.

От вопроса о распространении и дальнейшем отделении от сельского хозяйства городского и деревенского мелкого производства перейдём к анализу его организации и характера, разумея под последним прежде всего размеры производства.

О крестьянских промыслах начала XVIII в. в настоящее время имеется чрезвычайно мало данных, но, несомненно, в большинстве случаев это было очень мелкое производство. О кожевниках Севского уезда говорится, что они «делают по-русски самое малое кожаное дело в тех же избах, в

которых сами живут»⁵³. Крестьяне Галицкой провинции, занимавшиеся железодельными промыслами, копали в «лесных болотах» руду «по малому числу» и выковывали кричного железа «малое число»⁵⁴. В Тобольском уезде было 28 кожевнов. Но всё это мелкие заведения на один чан, где работал владетель со своими домашними, выпускающая продукцию в количестве нескольких десятков кож⁵⁵. И всё же это — во всяком случае частично — уже мелкое товарное производство. Эти тобольские уездные кожевники и мыльники работали на рынок, «на продажу», галицкие или алексинские крестьяне-кузнецы, «сами» работавшие в своих кузницах, продавали железо кричами или связками. Такими же производителями на рынок являлись те крестьяне, у которых скупщики скупали по деревням для продажи в Москве или в других городах их раз-

⁵¹ Данные взяты из ведомостей о ремесленных людях 1719—1720 гг., на которые делались ссылки выше при определении численности ремесленного населения в тех же городах.

⁵² Подсчёт произведён по ведомостям, указывавшимся выше при определении численности ремесленников в данных городах. Сведения о социальном происхождении даются в отношении большинства ремесленников.

⁵³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии. Кн. I, л. 188.

⁵⁴ Там же, кн. 610, лл. 124 и след.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии. кн. 634, л. 840 и след.

нообразные изделия — холст и сукно, топоры, лопаты, гвозди, деревянную посуду и др.

Специалист-исследователь крестьянских текстильных промыслов Московской губернии в XVIII в., т. е. губернии, охватывавшей наиболее развитые в промышленном отношении уезды, И. В. Мешалин делает вполне обоснованный вывод об укрупнении этих промыслов лишь со второй половины XVIII в., в частности под влиянием указов конца 1760 года о свободе мелкого присвождения. Он пишет: «В 1770-х годах началось усиленное расслоение крестьянства и выделение из его среды двух крайних полюсов: богачей — владельцев предприятий — и работавших у них бедняков. Этот процесс был началом расслоения мелких товарнопроизводителей в промышленности, первым этапом в капиталистическом развитии крестьянской текстильной промышленности Московской губернии 1770-х годов»⁵⁶.

К подобному же выводу приходит другой исследователь вопроса о торгово-промышленной деятельности крестьян в XVIII в., в частности при Петре, А. Л. Шапиро: «Капитал, накопленный немногими зажиточными крестьянами, в очень малой степени обращался на производство, оставаясь в сфере торговли и ростовщичества». Автор указывает и на причины данного явления: низкий уровень крепостного хозяйства и рутинность техники, а главное, «сильнейшим препятствием для проникновения накопленных крестьянами-торговцами капиталов в производство являлось крепостничество».

Указание на позднее проникновение крестьянских капиталов в промышленность мы находим в труде В. И. Ленина. Говоря о пореформенном периоде, В. И. Ленин пишет: «Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества, обратился в более широких размерах на производство, на которое он начинает обращаться уже теперь»⁵⁷. Как видим, В. И. Ленин говорит об обращении крестьян-капиталистов к промышленности лишь как о начальном явлении середины XIX века. Что же говорить о первой четверти XVIII в., которая характеризуется к тому же особо трудными условиями для развития хозяйства крестьян, с которых «драли три шкуры».

Но и городское ремесло данного периода характеризуется мелкими размерами. Судя по имеющимся данным, в огромном большинстве случаев ремесленники обходились без наёмного труда и даже без учеников. В ведомостях 1720 г. при перечислении ремесленников постоянно оговаривается: «Учеников нет» или «Учеников и работников нет»; сведения по городу Слободскому заканчиваются: «А те вышедшие ремесленные люди для науки ремесл никаких людей у

себя ис крестьян помещиковых не имеют»⁵⁸. В Верхотурье на 196 ремесленников приходилось 9 учеников⁵⁹. Даже в Москве, где ремесло было наиболее развито, оно носило мелкий характер, с незначительным применением подсобной рабочей силы. При записи в цехи в 1722 г. 71% записавшихся назвал себя мастерами и 29% — подмастерьями и учениками. О таком же мелком характере ремесла говорят и те часто ничтожные средства, которые находились в руках московских ремесленников для организации их «промысла», т. е. на закупку инструментов и сырья, когда они работали на рынок⁶¹. Шапочники — двое из Садовой слободы и один из Мещанской — в разное время показывали в своих сказках, что у каждого «в промыслу» всего по рублю; в монетейном ремесле Устюжской полусотни у Афанасия Степанова — 2 руб.; в «портяном деле» той же полусотни у Ивана Степанова — 5 руб.; в гончарном «рукоделье» Мещанской слободы Василия Филиппова — 6 руб. и т. д. В редких случаях рядовой ремесленник показывал в своём промысле 7—10 руб.; более крупные суммы (25—60 руб.), вложенные в «дело», показывали только серебряники, которые и в XVII в. являлись наиболее состоятельными. Чрезвычайная ограниченность средств делала затруднительной закупку материалов за наличный расчёт, поэтому работала широкая практика брать материал в долг «до спуска» товара. Пирожники, калачники и хлебники берут в долг муку у мучников и струговщиков; Филипп Яковлев из Мещанской слободы «делает окончины стеклянные, а тот товар берёт в долг до спуска»; другой специалист «берёт у купеческих людей воск в долг и делает свечки вошанные» и т. д. Более состоятельные ремесленники прибавляют «должный» материал к купленному. На «скудость» иногородних ремесленников встречаются указания в ведомостях 1720 г., приславшихся в Берг-коллегию.

Естественно, что мелкий промысел давал и мелкие барыши. Некоторые из московских ремесленников просто констатировали, что никакого «прибытка» от заработка не получают — «только что сыт бывает», — другие показывали приблизительно выручаемую от промысла сумму. Мещанской слободы Иван Аникиев «делает башмаки немецкие, прибытку бывает в год по 30 рублём»; Иван Евтропов чинит старые ссёрги, от чего в год получает 20 рублей.

Проверкой собственных показаний ремесленников до некоторой степени может слу-

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 106—108.

⁵⁹ Там же, кн. 634, л. 989.

⁶¹ Конкретные примеры взяты из сказок посадских людей Москвы 1704 года. Несомненно, в своих показаниях ремесленники, как и торговые люди, имели тенденцию к уменьшению своих «промыслов», но всё же данные сказок 1704 г. отличаются значительной достоверностью. Характеристику сказок как исторического источника см. в моей статье «Сказки торговых людей 1704 года». «Исторические записки» № 17.

⁵⁰ См. мою статью «Московский посад при Петре I». «Вопросы истории» № 9 за 1947 год.

⁵⁶ К сожалению, работа И. В. Мешалина «Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века до сих пор не опубликована».

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 153.

жить та оценка, какую давали финансовые органы того времени их доходам и состоянию. Размер десятой деньги с ремесленников — а это был подоходно-поимущественный налог того времени — колебался от гривны до рубля; наиболее же распространёнными окладами были 13 алт. 2 д. (40 коп.) или 16 алт. 4 д. (50 коп.)⁶². Указ 31 мая 1704 г. устанавливал «с мастеровых людей разного ремесла» даже более низкий оклад — 10 алт., т. е. 30 копеек⁶³. Таким образом, средний годовой доход ремесленника официально исчислялся в сумме 3—5 руб., что в известной степени совпадает с показаниями самих заинтересованных лиц, всё это свидетельствует о мелком характере даже московского ремесла.

Указанием на «скудость» доходов и ощущения ремесленника И. Т. Посошков начинает главу «О художестве», объясняя это плохой организацией ремесла: «В художниках ещё не будет доброго надзирателя и надлежащего им управления, то им ни коими делами обогатиться невозможно; иже славы себе добрые получить, но до скончания века будут жить в скудости и в безславии»⁶⁴. Ремесленник обычно работал «в доме своём» сам или с «домашними своими» — детьми, братьями, племянниками. Указания на такую «семейную кооперацию» разбросаны в ведомостях о ремесленных людях 1720 годов.

Малейшая попытка расширить своё производство для наиболее слабых ремесленников кончалась полным разорением и потерей роли самостоятельного товаропроизводителя. Вот характерный пример в этом отношении. Мещанин Алексей-серебряник в 1697 г. занял у садовника Патокина «товару», т. е. материала для своего производства, 150 золот. серебра, и 10 ефимков, всего на 19 руб. 10 алт. 5 д. Но «за скудостью» долг не был возвращён; за сына отстоял на правёже поручитель — отец, а затем последовал указ об оценке двора и об отдаче должника «взакви» Патокину⁶⁵. В случае, если не грозила казнь, недавний ремесленник, теряя свою самостоятельность, становился наёмным рабочим. Огородной слободы Пётр Сусальников «живёт в селе Покровском у хозяина и делает с ним сусальное дело; мещанин с характерной для бывшего ремесленника фамилией Котельников кормится тем, «что на пушечном государеве дворе таскает пушки, а ино бьёт молотком». Огородной слободы Кострюкин работает на казённом пороховом заводе⁶⁶. При расследовании в 1716 г. вопроса о выходах из московских слобод оказалось, что наибольшее число из них (300 человек) заделались рабочими крупных казённых производств — Денежных дворов, Оружейной палаты, Арти-

лерии, Суконого, Шляпного и Полотняного заводов⁶⁷. Эти 300 человек ещё недавно имели собственные «промыслы». Разорившиеся москвичи искали работы и вне Москвы: так, на игольной фабрике Рюмина в Переяславском уезде в 1720 г. из 124 человек 77 оказались из разных слобод Москвы⁶⁸.

Но параллельно этому процессу разорения и отрыва наиболее слабых ремесленников от средств производства шёл процесс расширения производства в руках более сильных представителей ремесла, превращение их в хозяев отдельной, ещё небольшой мастерской с использованием наёмного труда. Это соответствовало основной тенденции мелкого товарного производства, которая, по словам В. И. Ленина, «клонится к всё большему употреблению наёмного труда, к образованию капиталистических мастерских»⁶⁹.

Такие ремесленники встречались в любом значительном городе.

В Курске, например, горшечник Юрий Гончар работал с двумя сыновьями, «наёмщиком» и учеником; у портного Семёна Пучеглазова два сына, два ученика и два наёмщика — однодворцы того же уезда; Тимофей-свечник имел ученика и трёх наёмщиков⁷⁰. Среди кожевников Тюмсина были двое, у которых работало по два наёмщика; один из кузнецов Зарайска имел трёх работников и двое — по одному; такие же случаи имели место среди кузнецов Тулы и Алексинского уезда; в Переяславле Рязанском живописец имел двух учеников и четыре кузнеца — по одному ученику. Но всё же в провинции это были единичные случаи. Надо думать, что в столице, где спрос на промышленные изделия был больше, более крупные ремесленники встречались чаще. Примером могут служить позументники: Степан Попов «производит через русских мастеров, 5 человек»; у Лагина Гаврилова четыре человека, у Алексея Логинава семь учеников, у Константина Костяницына два ученика и два мастера, у Ивана Кружевникова — шесть человек.

Несомненно, типа расширенной мастерской были предприятия, находившиеся в руках ремесленных посадских людей, но называвшиеся «заводами» — пороховые, стекольные, кожевенные, мыловаренные, маслобойные и др. Они имелись в Москве и вне её. Садовник Дитяев имел «мыльный завод», о размерах которого можно судить по тому, что после смерти хозяина в котле осталось 40 пудов сала; братья Родиновы делали порох в двух наёмных избах, вложив в промысел 150 руб. — таких пороховщиков было в Москве несколько человек. Садовник Иван Завязошников имел солодовню, где зимой и летом «растил солод на продажу и

про посторонних людей», его должниками за взятый солод были такие известные люди, как Мих. Алегукович Черкасский и гость Влад. Воронин; сам он имел оклад десятой деньги в размере 2-х рублей, и в слободу платил 25 рублей⁷¹. Под Москвой в 1720 годах находилось два стекольных завода: один из них — Гаврилова и Логинава — был новинкой по выделке хрустальной посуды; на нём работали два работника и ученик, а за мастеров — сами хозяева; второй завод — Сергея Аксёнова, здесь в двух печах вырабатывались оконные и зеркальные стекла, работало шесть мастеров, работник и ученик; продукция продавалась на месте и посылалась за границу⁷², — это уже почти мануфактура.

Стекольные «заводы», воскобойни и маслобойни имелись в ряде городов и уездов Киевской губернии: в Белгороде, Севске, Мценске, Орле, Трубчевске, Карачёве. В Мценске было 3 деревянных масляных завода; владельцы — местные посадские люди — покупали коноплю в том же городе «разною ценою» и били масло только зимой, «и то по малому числу» — ведёр по сту и меньше; мастеровых людей по 2—3 человека нанимали из гулящих людей, а продукцию продавали «врознь» в Мценске, а также в Москве и других городах⁷³.

Но больше всего и чаще всего упоминаются кожевенные и мыловаренные «заводы», широко распространённые и иногда насчитывавшиеся десятками. В Курске было 14 кожевенных заводов, все деревянные; 11 — на тех же дворах, где жили сами хозяева, 3 — «от жилых своих дворов особливо»; работали сами хозяева, а кожи продавали «врознь» в Курске⁷⁴.

В Каргополе, например, было 4 кожевенных «завода», принадлежавших местным посадским людям. Самый крупный из них принадлежал братьям Прибытковым. В деревянной «кожевне» работали «пришлие на время» из Ярославля — давнего центра кожевенных промыслов — семь человек, да четверо местных крестьян; за летние месяцы вырабатывалось до 2 тыс. кож, часть которых отправлялась в Архангельск. Остальные три «завода» были меньше и по числу рабочих и по количеству вырабатывавшейся продукции⁷⁵. В Соликамске было 17 кожевенных заводов, из них 10 принадлежали посадским людям, 2 — крестьянам Пысковского монастыря и 5 — крестьянам Строгановых. Только последние нанимали «тутошных» рабочих людей, все остальные работали «собой без наёмщиков»⁷⁶, так что эти предприятия были не крупнее любой ремесленной мастерской. В Верхотурье было 7 кожевенных заводов, из которых 3 поме-

щались «в избах, в которых сами живут», — обстоятельство, говорящее само за себя; двое хозяев имели по четыре ученика, остальные обходились силами семьи⁷⁷ или «семейной кооперацией». В Тобольске было 11 мыловаренных и 30 кожевенных заводов, обычного мелкого размера, на которых работали хозяева с «домашними», а на некоторых — с наёмщиками⁷⁸.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что все эти предприятия не подходят под понятие «завода» даже мануфактурного типа. Это ремесленные мастерские, обычно помещавшиеся отдельно от жилого здания, а иногда и в нём. Недаром в самих материалах при характеристике подобных предприятий прибавляются определения «небольшой», «малой» или «завод самой малой». Но всё же это был шаг к укрупнению производства в руках мелкого товаропроизводителя, особенно при условии эксплуатации трёх — пяти и даже больше наёмщиков. «Образование мелких товаропроизводителей сравнительно крупных мастерских», — пишет В. И. Ленин, — представляет из себя переход к более высокой форме промышленности⁷⁹. В петровское время таких мастерских ещё немного, но самое появление их, так же как факты разорения и отрыва от средств производства более слабых ремесленников, свидетельствует об элементах расслоения внутри ремесленного населения даже на этой стадии развития.

Что же касается количественной и качественной ограниченности укрупнения ремесла, то это явление вполне закономерное не только для русского, но и для западного ремесла. Накопление средств, необходимых для расширения производства, в недрах ремесла происходило очень медленно. «Без сомнения», — пишет Маркс, — некоторые мелкие цеховые мастера и ещё большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наёмных рабочих превратились сначала в зародышевых капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наёмного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов *sans phrase* (вообще)⁸⁰. Таким образом, Маркс не отрицает возможности подобного превращения, и наши примеры подтверждают появление в начале XVIII в. «зародышевых капиталистов».

Но в то же время Маркс указывает на «необычайную медлительность этого метода» превращения, так что накопление средств в руках мелкого производителя (крестьянина и ремесленника) «составляет столь незначительный источник, что исторически о нём не стоит даже и упоминать»⁸¹. Поэтому, заключает Маркс, крупное производство в его первоначальной форме мануфактуры возникло «не в недрах старинных цехов. Главной новейшей мастер-

⁶² Весь конкретный материал, касающийся московских ремесленников, взят из их сказок 1704 года.

⁶³ ЦГАДА. Дела Ингерманландской канцелярии, № 98.

⁶⁴ Посошков И. Книга о скудости и богатстве, стр. 216. М. 1937.

⁶⁵ ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1698 г., № 45.

⁶⁶ Примеры взяты из сказок 1704 года.

⁶⁷ ЦГАДА. Дела Главного магистрата, св. 1-я, л. 1.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 318—332.

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 303.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 152—156.

⁷¹ Сказки по Садовой слободе. ЦГАДА. Монастыр. приказ., вязка 221, д. 57, л. 73.

⁷² ЦГАДА, ф. Мануф.-коллегии, опись 2-я, д. 1794, лл. 39—40.

⁷³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 158 об. — 159.

⁷⁴ Там же, лл. 152 и след.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 135—136.

⁷⁶ Там же, кн. 634, лл. 876 и об.

⁷⁷ Там же, лл. 976 и об.

⁷⁸ Там же, лл. 803, 832.

⁷⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 308.

⁸⁰ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 644. М. 1936, 8-е изд.

⁸¹ К. Маркс «Формы, предшествующие капиталистическому производству». «Пролетарская революция» № 3 за 1939 г., стр. 177.

ской сделались купец, а не старый цеховой мастер»⁸².

Ту же мысль не раз подчёркивал в своём классическом труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, говоря о необходимости для расширения производства скопления «довольно значительного капитала, который образуется часто не в сфере производства, а в сфере торговли и пр.»⁸³. Эти наблюдения классиков марксизма-ленинизма в особой степени относятся к докапиталистической стадии промышленного развития; с наступлением капитализма процесс накопления и вырастания крупного производства из мелких промыслов, как показал В. И. Ленин, ускоряется и даёт определённые результаты. Но первая четверть XVIII в. является периодом докапиталистического развития России, поэтому на неё в полной мере распространяются эти общие положения, которые и находят подтверждение в конкретной исторической действительности того времени.

Между тем мелкое товарное производство при невозможности быстрого расширения и при наличии рутинной ручной техники не могло успевать за ростом рынка и спроса, которые заметно усиливались в связи с общим экономическим развитием страны. Такое отставание мелкого производства от запросов рынка Маркс констатировал в «Коммунистическом манифесте» для Западной Европы: «Прежний феодальный или цеховой способ промышленного производства более не мог удовлетворять возматеревшего вместе с новыми рынками спроса. Мануфактура заняла место цехового строя... Но рынки всё время разрастались, всё время увеличивались спрос»⁸⁴.

Эти наблюдения вполне приложимы к России XVII—XVIII веков. В XVII в. на основе общественного разделения труда и специализации отдельных районов сложился всероссийский рынок с крупными запросами. Дальнейшее развитие производительных сил, рост городов и городского населения (при Петре оно составляло 3%), нуждавшегося не только в продуктах питания, но и в промышленных изделиях, ставили перед мелкими производителями всё расширяющиеся задачи. С этой точки зрения чрезвычайно выразительна картина оживлённой торговли «мелочниками», т. е. холодами среди широкого потребителя товарами (даже в весенние, бездорожные месяцы), которую вскрывают сухие записи Московской таможи⁸⁵. За 4 месяца (февраль—май) 1694 г. было зарегистрировано 984 иногородних продавца товаров, привезённых ими в Москву для продажи, и 249 иногородних покупателя. В таможенные не регистрировались бесчисленные сделки по купле-продаже, ежедневно произ-

водившиеся на внутригородском рынке. Кроме продуктов питания, в огромных количествах поступающих со всех сторон в столицу, сюда привозились разнообразные ремесленные изделия и сырьё для их производства. Деревянная и металлическая посуда, орудия труда (топоры, заступы), замки и ключи, оловянные и медные пуговицы, сапоги и башмаки «коновые», «желатиновые» и яловичные, грубые ткани — крашеная и пестрая, холст — хрящ и сермяжное сукно, наконец, предметы одежды из тех же материалов.

Весь ассортимент привозных товаров свидетельствует о запросах массового, непритязательного покупателя.

Одновременно с этим рос спрос и со стороны привилегированного класса, но это был прежде всего спрос на предметы роскоши. Потребность в более пышной материальной обстановке усиливалась, с одной стороны, вместе с ростом дворянства и укреплением его господства, а с другой — в связи с реформами в его культуре и быте, произведёнными при Петре.

Для украшения городов разбивались парки, устраивались фонтаны, ставились статуи; для убранства помещений потребовались большие зеркала, картины и люстры, новая мебель; для нового костюма — новые виды ткани, особой формы шляпы, парики, трости, башмаки и шелковые чулки, фижмы, позументы, мишура и т. д. Но некоторые из этих предметов быта, более скромного вида и качества, проинкали и в широкие слои населения — купечества, духовенства, мелких служилых людей. Широкое распространение получили такие элементы нового быта, как карты и курительные трубки, почти не употреблявшиеся в предшествующие времена.

Отсюда прежде всего имело место количественное распространение ремесла, о чём говорилось выше. Кроме того в погоне за удовлетворением спроса и возрастающей требовательности как в отношении количества, так и качества изделий мелкому товаропроизводителю, особенно городскому ремесленнику-профессионалу, волею-неволею приходилось совершенствоваться. Это совершенствование при сохранении прежней техники достигалось путём обучения новым производствам и приёмам и путём дальнейшей, более узкой специализации, которая, всё более и более ограничивая производственные приёмы и навыки специалиста, обеспечивала и большую производительность в пределах данного мастерства и большее искусство, доходившее иной раз до виртуозности.

Рост потребностей и изменение вкусов прежде всего проявлялись в столицах, где сосредоточивалось большое количество ищущих людей. Поэтому прежде всего здесь наблюдается появление новых видов ремесла: значительное количество зеркальных мастеров, специалистов по выделке туфляков, стульев, карет и каретных гвоздей, восковых фигур, бумажных цветов, фаянсовых листов, золотарей по дереву. В Петербурге, особенно в придворной среде, с первых же дней существования столицы увеличивается спрос на архитекторов (3) и фонтанщиков

(2), садовников (33), музыкантов (21), ливарщиков (1) и танцмейстеров (1).

Изменения в costume вызвали появление большого количества шляпников (в Москве — 135), ефесочников (24), специалистов по выработке париков (в Москве — 19, в Петербурге — 28), лент и позументов (заменивших употреблявшиеся ранее золотые и серебряные кружева), мишуры, фижм, муфт, сеток для волос, пудры. Насколько эти ремёсла были новы даже в Москве, показывает следующий факт. В 1711 г. в числе других ремесленников, переводившихся из Москвы в Петербург, не оказалось требовавшихся туда двух «парукмахеров». В объяснение этого четвертные старосты «под взятием большого штрафа» заявили, что в слободах «никого таких не сыскалось»⁸⁶. А в середине 1720 годов этих специалистов насчитывалось в Москве уже 19, а в Петербурге — 28. Позументы и ленты стали употребляться только при Петре, а уже в начале 1720 годов фабриканты жаловались, что «простые тчачи» и «всяких чынов люди» вырабатывают «самовольно» ленты и позументы у себя на дому. При записи в цехи мелких мастеров-позументчиков в Москве было зарегистрировано 84, но это производство, как указывалось выше, распространялось и под Москвой и далеко за пределами её. В Казани пять местных жителей показали, что делают «галуны и мелкие позументы, також ленточки с кованью и з эмейки золотом самими малыми струментами»⁸⁷.

То же самое наблюдалось в области производства новых тканей, привозившихся ранее из-за границы. Не успели возникнуть в России первые мануфактуры по выработке шелковых и шерстяных тканей, как появились соответствующие специалисты-ремесленники: штофного (шёлкового) дела в Москве (4) и в Петербурге (3); суконного (7), карзенового (7); семь «карзенинников» были в далёком Кунгуре. Характеристику этого мелкого производства оставили борющиеся с ним современники-фабриканты: «Являются в Москве многие ремесленные люди, маломочные русские и иноземцы-полоненики и имеют у себя без указов, в наёмных и в своих домах, самовольно по одному, по два и по три стана и ткнут карзен самоучкою ж»⁸⁸. В далёкой Сибири встречались «часовщики», сапожники, которые шили не только русские, но и «немецкие» сапоги и башмаки; в Енисейске два каретника делали также «коляски и сани-скачки»⁸⁹.

Рост внутреннего рынка и его запросов в петровское время осложнялся и усиливался особыми обстоятельствами, специфическими для времени крупнейших мероприятий правительства.

В связи с созданием регулярной армии и флота, постройкой новых городов и крепостей, непрерывными войнами в течение всего царствования Петра казне потребовались в огромных количествах изделия тяжёлой и лёгкой промышленности: железо, сталь, оружие всевозможных видов и боеприпасы, канаты и парусина, строительные материалы, сукно и другие ткани для мундира, сапоги, шляпы, чулки, пуговицы и др. Частично потребность в этих изделиях удовлетворялась посредством импорта, но на это требовались огромные средства, в которых испытывался постоянный недостаток и которые нужны были для других целей.

Поэтому приходилось обращаться к мелкому товаропроизводителю при посредстве подрядчиков или тех же скупщиков. Подрядчики из купцов и крестьян обязывались ставить в казну тысячи и десятки тысяч аршин холста, сукна, крашенины и тысячи и десятки тысяч пар чулок и шляп, десятки тысяч портиц, пуговиц и пр. Но почти всегда подряды не выполнялись полностью ввиду недостатка промышленных изделий на местах. Подрядчики скупали в Москве, ездили по городам и деревням и всё же не могли достать нужного количества даже широко вырабатывавшихся изделий. «На дело епанчей недорогих сукон, ниже 7 гривен ценною, нигде здесь нет», — доносил секретарь Ингерманландской канцелярии Шуккин Меншикову в апреле 1708 г.⁹⁰, или: «В покупке русских белых и серых сукон надежда малая... не токмо в других которых, но и в самых украинских и в заокиих городех купить их довольно числа в розницу вдруг не чаять»; посланные в Вологду сукна не везут, «и никто их в руках у себя не видит»⁹¹, — добавляет тот же Шуккин. О лосиных штанах подрядчики доносили, что «в скорых числах сделать их невозможно, для того что на Москве лосия являютца малое число»⁹². Шляпы разыскивали в Смоленске, Могилёве, Шклове и нашли вместо 600 всего 100 штук, «и те дорожатца» и т. д.⁹³. Но и полученные изделия часто не удовлетворяли своим качеством и видом; для армии, например, требовались предметы обмундирования определённого и однотипного вида и фасона. Мелкому производителю приходилось приноравливаться; нечего и говорить о тех случаях, когда вопрос шёл о новых видах изделий.

Новые ремёсла возникли в тех производствах, которые были связаны с крупнейшими мероприятиями петровского времени. В Петербурге, одном из центров кораблестроения, были зарегистрированы в цехи вольные специалисты (известно, что казённые мастера в цехи не записывались) корабельного,

⁸² Цитата приводится В. И. Лениным. Соч. Т. 3, стр. 336.

⁸³ Там же, стр. 309.

⁸⁴ К. Маркс. Избранные произведения в двух томах. Т. I, стр. 153. 1935.

⁸⁵ См. названную статью С. И. Сакович. «Исторические записки» № 21.

⁸⁶ ЦГАДА. Дела Сената, 1711 г., кн. 3-я, л. 365.

⁸⁷ ЦГИАЛ. Ф. Коммерц-коллегии, экспед. 2-я, д. 7, л. 105 об.

⁸⁸ Московский Суконный двор. «Крепостная мануфактура в России», ч. V, стр. 41. 1934.

⁸⁹ ЦГАДА. Ф. Берг-коллегии, кн. 634, л. 1056—1063.

⁹⁰ Архив Ленинградского отделения института истории АН СССР. Бумаги Меншикова, карт. 7, № 245.

⁹¹ Архив ЛОИИ. Бумаги Меншикова, карт. 7, № 282.

⁹² Архив Артиллерийского музея, 1708 г., Штаб генерал-фельдмаршала, № 10.

⁹³ Там же, 1706 г., № 6.

галерного, баржевого, шлюпочного, вёсельного, компасного дел — всего 11 человек⁹⁴.

Итак, развитие ремесла в изучаемую эпоху отмечено прежде всего появлением новых его видов. Одновременно происходили изменения и в старых производствах в направлении их дальнейшей специализации. В изготовлении оружия, например, принимали участие следующие специалисты: оружейники, станочники, замочники, отделщики; мастера шпажного, шпажного-ножевого, ефесного дела, «шпажного череня обивальщики». Выделка изделий из меди расчленялась на специальности: пуговичное, крестовое, паникадилное, шандальное, колокольное, цепочное, серёжное, перстневое, басменное, каретных гвоздей, литейное, котельное, безменное, проволоочное, инструментальное, замочное, запоночное, поясное, отливное и литейное. Такой специализации не знал XVII век. Она обуславливалась особенностями ручной техники, при которой качество и количество вырабатываемых изделий зависели только от навыков и искусства их производителя; но самая необходимость или стремление усовершенствовать эти изделия и увеличить их число вызывались повышением спроса.

В области старых ремёсел не только приобреталась более узкая специальность, но иногда вводились новые приёмы выработки, которым обучались по приказу не только московские, но и периферийные ремесленники. В силу запрещения изготовления узких холстов и полотен приходилось обучаться устройству широких берд и тканью на них широкой ткани. Указ об изготовлении кожи новым способом, с варвным салом, а не с дегтем, заставил городских и деревенских ремесленников переучиваться в своём деле. С этой целью правительство организовало в Москве с 1716 г. особые «курсы», куда поочереди посылались местные кожевники; обучившись, они должны были распространять новый метод на месте. В результате по новому способу кожи стали выделывать в Курске, Каргополе, Соликамске, Тюмени; «кожевник московского обучения» был в Тобольске. Новшества проникали в мелкое производство даже таких далёких окраин.

Развитие ремесла сказывалось также во всё большей товаризации его.

Наиболее архаическая форма ремесла — работа на заказчика, чаще из его же материала. Эта форма даёт возможность ремесленнику работать без наличия собственных, даже очень маленьких средств, необходимых для закупки материала, и предполагает немедленную реализацию изделия по его изготовлению. Работа на сбыт, на продажу, т. е. изготовление товара, требует предварительной затраты каких-то средств и предполагает возможность, особенно при уюсти рынка, задержки их возмещения. Такая форма более сложна в организационном (закупка сырья, реализация на рынке) и финансовом отношениях. Что касается ремесла первой четверти XVIII в., то оно существовало в обеих фор-

мах. Даже в Москве, при наличии наибольшего рынка сбыта, ремесленники продолжали работать непосредственно на заказчика-обывателя, по их выражению, «на всяких чинах людей». Тяглыцы Мещанской слободы Фёдор Степанов «делает на людей шапки», а Иван Наум — «цепочное дело». Садовник Фёдор Спирия кормится «рукоделом своим, делает басменные серебряные оклады, кто что даст со стороны, а своих у него, Фёдора, денег ничего нет; огородник Алексей Семёнов изготавливает «нарочитые по заказу серебряные товары» и т. д.⁹⁵. Работа на заказчика ещё распространёнее была в городах, где рынок сбыта был уже московского. Овчинники города Слободского делают овчины «разным людям на шубы про домовый обиход», то же самое — кожевники и чоботники; последние шьют разную обувь «из готового товара из найму», т. е. по заказу, а возможно, даже на дому заказчика. Но здесь изготавливались изделия и «на продажу»⁹⁶.

Обе формы ремесла существовали в Енисейске. Кирпичники, канатчики, гребенщики, оконники работают «на продажу»; сыромятники, кожевники, скорняки — «из найму». Например, посадский человек Никифор Корнаков «шьёт из найму узды и шлен, хомуты конские и сумы и чемоданы»; скорняки «подделывают и шьют в портища всякую мягкую рухлядь из найму»⁹⁷. Соликамская ведомость даёт ясное представление об обеих формах ремесла и объясняет распространённость работы на заказчика. Перечень городских ремесленников заканчивается следующей фразой: «Делают оные кожи на посторонних соликамских посадских людей и уездных крестьян собою, без наёмщиков, а на себя в торг за скудостью не промышляют»⁹⁸.

Другие, как мы видели, промышляли «на себя в торг», продавая даже за пределами местного рынка. Посадские люди Миценска, имевшие маслوبيны, продавали масло «врознь» в Миценске, в Москве и других городах⁹⁹. Подобная реализация в отъезд редко осуществлялась собственными силами, но всё же осуществлялась. В книге Большой Московской таможни имеются записи о «явке» тульскими жителями по несколько наковален, костромичами Никиты Лукин привёз в Москву 10 балахонов и 10 портков хрящевых; небольшие количества товара свидетельствуют о том, что это свои изделия, а не результат скупки. Явки товара «своей работы» фиксировались в Пошехонской и Шогинской таможнях, так же как и в других. На месте, в Москве, например, очень часто ремесленники сами продавали свои изделия, для чего более состоятельные снимали специальное помещение. Так поступали многие из московских серебрянников.

⁹⁵ Примеры из практики московских ремесленников берутся из сказок московских слобожан 1704 года.

⁹⁶ ЦГАДА. Ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 106—108.

⁹⁷ Там же, кн. 634, лл. 1056—1063.

⁹⁸ Там же, л. 876.

⁹⁹ Там же, кн. 614, л. 155 об.

Масляники Яков Масленник и Елисей Савстьянов были маслом и сами продавали его в наёмных лавках; то же самое делал солодовник Иван Евреинов.

Но рядом с такой практикой широкое распространение получила другая форма реализации изделий ремесленника, а именно при посредстве скупщика. Скупщики из посадских людей и более зажиточных крестьян скупали по городам и деревням самые разнообразные изделия — одежду, обувь, ножи, металлические изделия — и большими партиями предъявляли их в таможни. Устюжского уезда Тимофей Агаилов привёз в Москву на пять санях 147 пудов кричного железа; Пошехонского уезда Иван Филимонов — 325 бердышей и 120 топоров; Басманной слободы Афанасий Петров — 700 рогов коровьих, 200 хвостов коневых и др.; арзамасец Фёдор Токарьёв — 6800 чарок кленовых, 140 братин и 500 ковшей¹⁰⁰.

Средние торговые люди Москвы, не имея наличных средств на закупку товаров, брали их у ремесленника как бы на комиссию, — «до спуска», — расплачиваясь с ним по окончании операции. Указания на такую практику многочисленны. По всей вероятности, эта форма являлась более архаической, начальной формой деятельности скупщика. Во всяком случае скупка — вполне налаженное и распространённое явление экономического быта в начале XVIII века. А это показатель дальнейшего развития товарного производства и расширения рынка. «При ничтожном развитии товарного производства», — пишет В. И. Ленин, — мелкий производитель ограничивается сбытом изделий на мелком местном рынке, иногда даже сбытом непосредственно в руки потребителя... По мере расширения рынка такой мелкий раздробленный сбыт (находившийся в полном соответствии с мелким, раздробленным производством) становится невозможным»¹⁰¹. Скупка и есть начальная форма «крупного массового» сбыта. С другой стороны, при данной системе сбыта начинается другой важный процесс — отделение ремесленника от рынка, когда между ним и потребителем всё чаще встаёт фигура посредника-купца. В дальнейшем это приводит к тому, что «мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала»¹⁰². Начало данного процесса наблюдается в рассматриваемую эпоху.

Наконец, последние важные наблюдения. Иногда представитель торгового капитала являлся не только скупщиком, но и заказчиком для мелкого производителя. Так, Устюжской полусотни братья Осиповы «клили мелкие колокола на ряд из рядовой меди», т. е. по заказу и из материала торговцев колокольного ряда; свечник из Огородной слободы «делает на рядовичев сальные свечи»; фонарищик «делает фонари в ряд»; скорняк Михайло Тимофеев берёт «из ветошного и скорняжного рядов хоровые и мерлушчатые

и лисьи меха в дело». «На ряд», или «в ряд», делались серебряные изделия, шёлковые галуны, немецкие сапоги и башмаки¹⁰³. Случалось, что скупщик отдавал скупленный товар местным специалистам в обработку (например кожи) или в дополнительную отделку (крашение холста или сукна).

Все эти данные свидетельствуют не просто о скупке, а о связанной с ней работе на скупщика, т. е. об отношениях, складывавшихся не только в сфере обращения, но и в сфере производства. Подобная практика работы на скупщика, по словам В. И. Ленина, «есть именно особая форма производства, а особая организация экономических отношений в производстве»¹⁰⁴. Перед нами только зародыш этой «особой формы производства» и первые шаги ремесленника по пути его зависимости от купца. Но отсюда один шаг до систематической раздачи работы надом, организации крупного производства в форме рассеянной мануфактуры и превращения недавнего самостоятельного производителя в её работника. Возможно, в некоторых случаях имели место и эти, более определённые формы производства, но на имеющемся пока материале они не прослеживаются.

Однако несомненно, что купец-капиталист к этому времени уже стал на путь организации производства. В конце XVII в. большие соляные промыслы имели именитые люди Строгановы, гости Филатов, Панкратьев, Грудцын; будные станы были у гостей Семеникова и Сверчкова. Крупнейшими винокурами были москвичи Хвастливые; после смерти Кондратия Хвастливого с его завода было взято 3500 вёдер вина, а самый завод оценён в 1000 руб.; его сын в 1701 г. поставил в разные города 68 тыс. вёдер вина¹⁰⁵. Винокурением занимались многие московские и иногородние купцы.

Крупнейшими представителями последних были братья Ушаковы, которые сначала развернули предпринимательскую деятельность в Сибири, а затем — в Симбирске¹⁰⁶. Наряду с мелкими пороховщиками в самой Москве и вне её существовали «заводчики», ставившие в казну тысячи пудов пороха в год, — таковы садовники Бельские или Казённой слободы Филимон Аникеев, которому в 1704 г. была передана казённая пороховая мельница на Яузе. Но больше всего в руках купечества, особенно иногородного, находилось мыловаренных и кожевенных заводов. Отсутствие данных не позволяет определить, насколько эти предприятия были крупнее тех мелких мыловарен и кожевен, о которых шла речь выше. Но судя по тому, что некоторые из купцов-кожевников специализировались на поставке огромных партий юфти «своего передела» на иностранный рынок, можно думать, что их предприятия уже то-

¹⁰³ Примеры взяты из сказок 1704 года.

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 402.

¹⁰⁵ ЦГАДА. Ф. Монст. прик., в. 221, д. 57, л. 133.

¹⁰⁶ См. мою статью «Торги и промыслы гостинной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв.» Сборник «Пётр Великий», Т. 1, М. 1947.

¹⁰⁰ Сакович С. Указ. статья, примечания.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 312—313.

¹⁰² Там же, стр. 313.

⁹⁴ ЦГАДА. Дела Сената, кн. 507, лл. 421—423.

гда подходили под понятие завода¹⁰⁷. Владение «заводами и промыслами» являлось важнейшим критерием для перевода «лучших» купецких людей в Петербург, и таковых оказалось немало: из 50 москвичей — 15, и из 47 представителей купечества городов Московской губернии — 28 человек, преимущественно кожевников и солодовников¹⁰⁸. Некоторые из московских купцов, наиболее крупные и инициативные, втягивались в промышленные предприятия нового типа. Так, гостинный сын Илья Исаев да мещане Иван Евреиннов и Степан Копьев состояли членами первой в XVIII в. торгово-промышленной компании по добыче и переработке трескового сала и других продуктов морского звероловства, возглавлявшейся Меншиковым и Шафировым¹⁰⁹.

Однако это предпринимательство в течение предшествующего столетия проявлялось почти исключительно в области добывающей промышленности — солеварении, смолокурении, поташном деле — или пищевой — винокурении, мукомольном и солодовом промыслах. Всё это — сфера старых, широко распространённых среди населения промыслов, которые и послужили основой для организации их в более крупных масштабах.

Давно усвоенные примитивная техника и приёмы добывания были перенесены почти без изменения из мелкого производства в крупное; сбыт продукции, качество которой не могло особенно варьироваться, был давно налажен и не вызывал опасений, так как дело касалось главным образом продуктов первой необходимости. Таким образом, в этих промыслах купец-предприниматель шёл следом за мелким промышленником. В области обрабатывающей промышленности, особенно в тех её видах, которые не были подготовлены развитием мелких промыслов (производство шёлка, тонких сукон, парусины, бумаги и стекла), дело обстояло иначе: в эту область купец-предприниматель вступил с большим запозданием, и самому мелкому

производителю, как мы видели выше, в погоне за новым спросом приходилось учиться находку.

Сделаем выводы из приведённого материала.

1. Мелкая промышленность первой четверти XVIII в. — явление сложное. В её составе одновременно сосуществовали все три формы мелких промыслов: домашняя промышленность, повсеместно распространённая, но трудно выделяемая из общей картины крестьянского хозяйства; городское и сельское ремесло на заказчика; мелкое товарное производство в форме городского ремесла и крестьянских промыслов. Следует отметить начало укрупнения этого производства путём эксплуатации наёмного труда и, наконец, первые шаги по использованию мелкого производителя купцом-капиталистом в качестве пока ещё эпизодического работника на дому.

2. С точки зрения рассматриваемого периода, время, когда «производство продуктов промышленности в виде товара кладёт первое основание отделению промышленности от земледелия и взаимному обмену между ними»¹¹⁰, уже прошло. Первая четверть XVIII в., характеризующаяся ростом товарно-денежного хозяйства, широким товарным обращением в пределах единого всероссийского рынка, возникновением крупной мануфактурной промышленности, является в то же время периодом дальнейшего развития и товаризации мелких, особенно городских, промыслов.

3. Буржуазные связи, наметившиеся ещё в предшествующем столетии¹¹¹, усиливаются и крепнут как в сфере обращения, так и в сфере производства не только крупного, но и мелкого. «Капиталистические отношения, — пишет В. И. Ленин, — образуются и в мелких промыслах (в виде мастерских с наёмными рабочими и торгового капитала)»¹¹². Эти элементы ещё в начальном, зачаточном виде намечаются в рассмотренных выше промыслах, в формах, указанных В. И. Лениным, — «в виде мастерских с наёмными рабочими» — и в факте проникновения торгового капитала в сферу мелкого производства.

¹⁰⁷ Заозерская Е. Торги и промыслы гостинной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв.

¹⁰⁸ Доклады и приговоры Сената. Т. IV, ч. 2-я, № 1166; т. VI, ч. 1-я, № 112.

¹⁰⁹ Лаппо-Данилевский А. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII века, стр. 28. СПб. 1899.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 288.

¹¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

3-е изд.

¹¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 477.